

РОССИЯ И ЗАПАД: КРИЗИС ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ИЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Конфликтность как неизбежное свойство системы международных отношений. Холодная война как институциализация конфликта: определение субъектов и «правил игры».

В начале 1990х гг. на волне эйфории после победы в Холодной войне западные политологи предсказывали близкое наступление эпохи вечного мира. Они исходили из, как им казалось, очевидного посыла: победившие ценности западной цивилизации универсальны, а потому исключают конфликт по определению. Однако конфликт – это неотъемлемая часть любого процесса развития. От диалектики никуда не уйти: система, будь то живой организм, сложный прибор или современный социум, состоит из целого ряда элементов, которые, взятые в чистом виде, несовместимы друг с другом. Они рекомбинированы в особом порядке, который поддерживает систему и за счет синергетического эффекта делает ее жизнеспособным. При этом трансформация – ключевое свойство любой системы. Ее составляющие постоянно конфликтуют друг с другом. Противоречия находят свое разрешение на новом уровне синтеза, за счет чего система постоянно эволюционирует.

Эта модель описывает все социально-политическое развитие человечества в течение тысячелетий. Попытки унифицировать его основные тренды, привести все к общему знаменателю предпринимались всегда. Однако они неизменно терпели неудачу. Сложность и своеобразие не укладывались в прокрустово ложе догм. Западная цивилизация с ее унифицирующим фаустовским духом (О. Шпенглер), стремлением к бесконечной экспансии чаще других сталкивалась с последствиями превратно воспринятого представления о том, как устроен мир. Крестовые походы, религиозные войны, инквизиция приводили лишь к потокам крови, социальному разделению и культурному упадку.

Взрыв энтузиазма по поводу наступления «вечного мира» в начале 1990х гг. – далеко не первый подобный пример. Запад уже неоднократно объявлял о конце истории. В XVII в. о том же говорили первые либералы во главе с Джоном Локком. Накануне Первой мировой войны о глобальном торжестве западного либерального капитализма писали практически все мыслители, вне зависимости от политической ориентации. Даже Маркс, предрекавший его неизбежный закат, утверждал, что распространение западного типа хозяйствования и образа жизни во всемирном масштабе неизбежно.

В этом смысле Ф. Фукуяма и другие теоретики «конца истории» не оригинальны. Напомним, что согласно Фукуяме, в современном мире место борьбы идеологий заняла борьба за более эффективную стратегию удовлетворения человеческих потребностей в рамках всемирного общества потребления, т.е. основной спор разворачивается отныне вокруг того, как более эффективно добиться одних и тех же преимущественно экономических целей. До окончательной победы либерализма в реальном мире еще далеко, но тем не менее ему нет альтернатив, даже несмотря на всплеск религиозного исламского фундаментализма и национализма (имеют силу там, где есть недостаток либерализма). Появление новых могущественных идеологий маловероятно, да и вряд ли они будут в состоянии предложить что-то большее, чем либерализм, в котором уже «решены все прежние противоречия и удовлетворены человеческие потребности».¹

Правда, признается, что «конец истории» не означает отсутствие конфликтов вообще: отдельные проявления идеологического соперничества локализованы «на задворках цивилизации», в границах мировой периферии, которая будет ареной конфликтов еще очень долгое время. Конфликты также возможны и между частями мира или силами, представляющими «историю» и «постисторию». Тем не менее, «столбовая дорога» будущего намечалась довольно уверенными штрихами.

---

¹ Подробнее см.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. - М.: Издательство АСТ, 2004 г.

В разных формах эти и подобные им оптимистические или умеренно оптимистические идеи,² высказанные тонко чувствующими конъюнктуру публицистами, использовались для обоснования того, что в условиях глобализации успех государств определяется не теми средствами, от которых государства зависели в прошлом. Иными словами, уже не военная мощь значима и является залогом выживания и процветания в «уменьшившемся» мире, в котором государства все более взаимозависимы, а другие факторы, включая экономику, инновационность, пресловутую «мягкую силу» и т.п.

Оптимизм конца холодной войны казался оправданным почти десятилетие. Возникло впечатление, что мир стал существенно более безопасным, две сверхдержавы более не балансировали на грани ядерного уничтожения друг друга, в том числе и потому, что одна из них прекратила свое существование, а элиты возникших на ее территории новых независимых государств решали более насущные задачи. Началась «перестройка» мировой политики, которая разными государствами планировалась по-разному, но все явно надеялись, что глобализация – явление закономерное и позитивное, а с издержками можно справиться коллективными усилиями.

Спустя почти четверть века оказывается, что безопасность вовсе не гарантируется даже вполне благополучным государствам, границы не являются чем-то раз и навсегда установленным, международные нормы толкуются так, что иногда сложно понять, толкуются ли одни и те же нормы. И политики, и представители академического сообщества уже не первый год говорят о том, что мир вступил в период неопределенности и турбулентности. Почему снова заговорили о «возвращении геополитики» и даже о начале «новой холодной войны»? Нередко происходящее объясняют ростом новых центров силы, требующих признания за собой иных статусов, нежели им предписывалось после крушения биполярной системы международных отношений, и (или) сложностями, с которыми сталкивается Запад в попытках сохранения правил, которые были установлены в период холодной войны или вскоре после ее окончания.

---

² Следует заметить, что Ф. Фукуяма в своей книге 1992 г. менее оптимистичен в части описания «постисторического мира» и «последнего человека».

«Возвращение геополитики:
Ответный удар ревизионистских
держав», 2014:

Китай, Иран и Россия так и не смирились с геополитическим порядком, сложившимся после холодной войны, и предпринимают все более активные попытки его разрушить. Процесс не будет мирным, и, независимо от того, преуспеют ли в этом ревизионисты, их действия уже подорвали баланс сил и изменили динамику международной политики

Walter Russell Mead

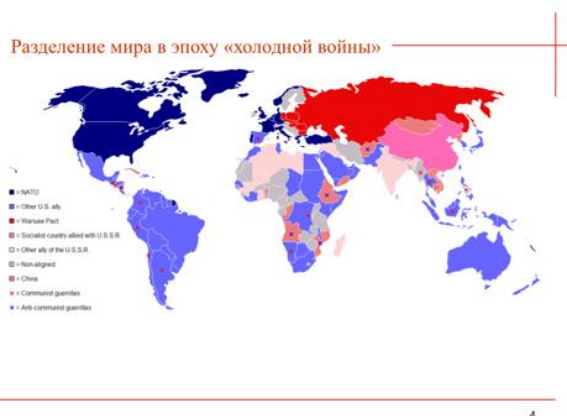
В частности, такое объяснение в 2014 г. предложил американский политолог **Уолтер Рассел Мид** в статье «Возвращение геополитики: Ответный удар ревизионистских держав» для влиятельного журнала «Foreign Affairs»: **«Китай, Иран и Россия так и не смирились с геополитическим порядком, сложившимся после холодной войны, и предпринимают все более активные попытки его разрушить. Процесс не будет мирным, и, независимо от того, преуспеют ли в этом ревизионисты, их действия уже подорвали баланс сил и изменили динамику международной политики».**³ И так, во всем виноваты или «державы-ревизионисты», стремящиеся «отменить» результаты «проигрыша» в холодной войне, или их правительства, у которых нет потенциала превратить свои страны в «державы-ревизионисты», но есть потребность в сохранении созданных ими или их предшественниками политических и экономических порядков. А поскольку эти порядки дефектные, режимы слабые, то нелиберальные державы становятся источниками проблем, и Запад будет их дисциплинировать, используя широкий набор несиловых и силовых средств, включая санкционное давление и т.п.

Последствия крушения «институционализованного конфликта»

Холодная война, окончание которой Запад отпраздновал в 1991 г., была, на самом деле, достаточно устойчивой формой институционализации неизбежной глобальной конфликтности. Советско-американское противостояние было стеной осью мирового порядка. К нему сводилось подавляющее большинство проблем, возникавших в мире.

³ Walter Russell Mead. The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers // Foreign Affairs, May/June 2014 issue.

Многим это не нравилось, но объективно такая ситуация благоприятствовала их разрешению: в рамках диалога равновеликих оппонентов компромиссы находились легче. СССР и Запад существовали в рамках разных ценностных моделей, однако их объединяло общее понимание реального потенциала противостоящей стороны и единой ответственности за глобальную безопасность. К 1980-м гг. Холодная война превратилась не столько в войну, сколько в институционализированную форму глобального устройства. Два блока конкурировали друг с другом и тем самым поддерживали статус-кво. Ялтинский порядок прочно опирался на две ноги.

Практически мгновенный в исторической перспективе распад СССР стал шоком для западного истеблишмента. Подавляющее большинство американских экспертов не ожидали в среднесрочной перспективе каких-либо кризисных явлений, способных положить конец существованию Советского Союза. В 1983 г. профессор Принстонского университета Стивен Коэн заявил о том, что советская система чрезвычайно стабильна.

Подобное мнение было распространено и на уровне спецслужб. Чины ЦРУ постфактум признавали, что серьезно недооценили «растущие системные проблемы» внутри СССР.⁴ Немногочисленные аналитики, предсказывавшие крах советского лагеря, как правило, воспринимались как алармисты. Вышедшая в 1965 г. работа французского исследователя Мишеля Гардера «Агония режима в Советской России» была воспринята ученым сообществом весьма скептически. Самые непримиримые оппоненты советского строя склонялись к мысли о том, что его существование гарантировано, по крайней мере, на несколько поколений. В 1976 г. **З. Бжезинский** написал: **«Социальные изменения [в СССР] чрезвычайно медленно отражаются на политической системе. Они начнут значительно влиять на нее, по меньшей мере, через несколько поколений».**⁵ Если брать за расчетную единицу активную жизнь одного поколения в 25 лет, то нетрудно посчитать, что Бжезинский отводил СССР еще, как минимум, 50 лет существования.

Слайд 6

25 декабря 1991 года

Теперь противоборство позади... Это победа демократии и свободы. Это моральная победа наших ценностей. Каждый американец может гордиться этой победой

Джордж Буш

6

То, что произошло в 1985-1991 гг. сначала расценивалось американцами осторожно, затем с оптимизмом и, наконец, с ликованием. Противник США в Холодной войне рухнул настолько быстро и внезапно, что это казалось труднообъяснимым. Западный истеблишмент, еще недавно холодно-рационально оценивавший баланс сил в противостоянии с советским блоком, решил, что все объясняется некими предзаданными обстоятельствами, которые изначально работали на США и их союзников. Таким образом, возникла ценностная объяснительная модель, господствующая в умах американцев и европейцев по сей день.

⁴ Jones, Milo L. and; Silberzahn, Philippe (2013). Constructing Cassandra, Reframing Intelligence Failure at the CIA, 1947-2001. Stanford University Press.

⁵ Brzezinski, Zbigniew (1976). "Soviet Politics: From the Future to the Past?". In Paul Cocks, Robert V. Daniels and Nancy Whittier Heer. The Dynamics of Soviet Politics. Cambridge: Harvard University Press. p. 351.

Ее каркас был виден уже в «победной» речи Президента США Дж. Буша 25 декабря 1991 г.: **«Теперь противоборство позади... Это победа демократии и свободы. Это моральная победа наших ценностей. Каждый американец может гордиться этой победой».**⁶ Речь шла об опасном ментальном искажении реальности. Казалось, что СССР исчез как по мановению волшебной палочки «правильных» ценностей, но это было далеко не так. Упрощенное объяснение крупнейшей политической метаморфозы задало западным политикам и интеллектуалам неверную точку отсчета. Все дальнейшие сбои были тесно с этим связаны.

Система, существовавшая в годы Холодной войны, не исчезла с распадом СССР. Никаких усилий по ее перестройке на более прочных основаниях приложено не было. Идея «конца истории» способствовала распространению на Западе определённой уверенности в том, что западный набор ценностей универсален, а потому верен. В годы перестройки в среде советской интеллигенции было принято иронизировать над съездами КПСС, проходившими под лозунгом «Учение Ленина вечно потому, что оно верно». Между тем, идеология, восторжествовавшая на Западе, исходила из такого же посыла. В реальности же была предпринята попытка сохранить старую систему международных отношений, ориентированную на силовое доминирование сверхдержавы. Однако вместо двух сверхдержав предлагалось сохранить одну, ту, которая основывалась на фундаменте «правильных» ценностей. Итогом этого стало то, что осталась старая система, но в предельно разбалансированном виде. Вместо двух опор она теперь опиралась на одну.

Внутриполитические проблемы в стане «победителей»

Последствия, разумеется, сказались, несмотря на то, что инерция американской победы в Холодной войне оказалась достаточно сильной. Причем первые трудности проявились не вовне, а внутри лагеря победителей. Бенефициарами Холодной войны стали мощные промышленные группы, работавшие на оборонку, в первую очередь в США.

---

⁶ END OF THE SOVIET UNION; Text of Bush's Address to Nation on Gorbachev's Resignation // <http://www.nytimes.com/1991/12/26/world/end-soviet-union-text-bush-s-address-nation-gorbachev-s-resignation.html>

За океаном их интересы во многом выражали военные. Председатель Объединенного комитета начальников штабов К. Пауэлл (1989-1993 гг.) опасался того, что восприятие избирателями и политиками снижения уровня внешних угроз, постоянные требования сокращения военных расходов из-за растущего дефицита федерального бюджета, неблагоприятной экономической конъюнктуры, могут объективно привести к значительным сокращениям расходов на оборону и иным последствиям, которым военные будут с определенного момента не в состоянии воспрепятствовать. Пауэлл искал возможности отказаться от принципа стратегического планирования, исходящего из существующих и потенциальных угроз национальной безопасности США, противопоставив ему положение, согласно которому США должны сохранить статус сверхдержавы, быть в состоянии защитить долгосрочные национальные интересы США и их союзников⁷ при любом развитии событий в мире или регионах, представляющих для США особый интерес. В предложенном им оборонном обзоре появилась концепция «минимального уровня» военной мощи, ниже которого США утрачивают статус сверхдержавы и теряют возможности обеспечения глобальных обязательств.

Динамика расходов США на оборону

7

Сравнение военных расходов

8

⁷ Alexandra Homolar (2011) How to Last Alone at the Top: US Strategic Planning for the Unipolar Era, Journal of Strategic Studies, 34:2, P.194.

Это новое видение роли США в мире было тесно связано с интересами американского ВПК. Холодную войну обслуживала целая инфраструктура, которая рисковала остаться не востребуемой после ее окончания. В результате начали возникать разного рода теоретические паллиативы, призванные изобрести новую сферу ее применения. В 1990 г. был инициирован процесс разработки «National Military Strategy» посредством подготовки «Defense Planning Guidance» (DPG) 1992 г. на 1994-1999 финансовые годы. Ставка была сделана на учет опыта проведения операции «Буря в пустыне»⁸. Помимо необходимости поддержания военного превосходства посредством активного формирования стратегической обстановки в мире в будущем и препятствования появлению государства-соперника отмечалась необходимость при планировании обеспечить способность ВС США участвовать в двух больших региональных конфликтах (почти одновременно). Собственно, в первом после окончания холодной войны публичном документе «Regional Defense Strategy» было открыто зафиксировано положение о необходимости быть готовыми для участия в более чем одном конфликте, подобном «Буре в пустыне»⁹.

Это предполагало не только сохранение тех мощностей ВПК, которые обслуживали интересы субъектов Холодной войны, но и их наращивание. Запад оказался неспособен переориентировать свою политику в сторону мирного развития глобальных процессов. Система международных отношений зависла в воздухе, и для ее поддержания в неизменном, оформившемся по результатам 1991 года, виде требовалось постоянное стимулирование. Одним из возможных вариантов было бы признание полноценной международной субъектности за новой постсоветской Россией. Это бы позволило «заземлить» систему, вышедшую из состояния внутреннего баланса. Того же требовала логика внешнеполитического процесса. У всех в памяти оставался провальный пример Версальской системы после 1918 г.

---

⁸ Alexandra Homolar (2011) How to Last Alone at the Top: US Strategic Planning for the Unipolar Era, *Journal of Strategic Studies*, 34:2, P.201-202.

⁹ Troxell, *Force Planning in an Era of Uncertainty*, 12; Larson et al., *Defense Planning in a Decade of Change*, 13–6; Richard Cheney, *Defense Strategy for the 1990s: The Regional Defense Strategy (1993)*, <www.informationclearinghouse.info/pdf/naarpr_Defense.pdf>.

Попытка тогдашних держав-победительниц управлять миром вопреки и в ущерб тем, кого посчитали аутсайдерами, Германии и России, привела к катастрофическим последствиям. В 1990е гг. посчитали целесообразным изобрести новый идеологический паллиатив, который позволял на словах уйти от необходимости решения проблемы.

Нельзя сказать, что подобный исход был детерминирован изначально. Администрация Б. Клинтона в 1990е гг. пыталась поменять траекторию движения страны. Одним из центральных пунктов своей программы Клинтон сделал сокращение оборонных расходов посредством сокращения численности ВС и изменения их структуры. Надо заметить, что это предвыборное обещание пользовалось самой широкой поддержкой избирателей. Однако к этому времени де-факто сложился стратегический консенсус относительно целевых показателей стратегического планирования (в его основе - два крупномасштабных региональных конфликта), поэтому Администрация Б. Клинтона в конечном итоге столкнулась с серьезными препятствиями в реализации предвыборных обещаний, и оборонные расходы во второе президентство Клинтона вернулись к средним показателям времен Холодной войны.

Россия в этом новом контексте, разумеется, оставалась на втором плане. В отношении нее на Западе возникла новая модель поведения: относиться как к побежденному, не говоря слово «поражение». Это выглядело как протянутая рука дружбы, однако о дружбе речи не шло. В сфере международных отношений произошла важная метаморфоза, суть, которой хорошо изложил **Г. Киссинджер**. Он утверждает, что жизнеспособность любого международного порядка зависит от того, насколько он уравнивает законность и власть. Причём и то, и другое подвержено эволюции и изменению. Впрочем, **«когда такое равновесие нарушается, то ограничители исчезают и открывается простор для появления самых непомерных притязаний и деятельности самых неукротимых игроков; воцаряется хаос, который длится до тех пор, пока не установится новый порядок»**.

Новый конформационный порядок: «столкновение цивилизаций»

Карта крупных американских военных вмешательств после 1992 г.

9

Пояс нестабильности на Ближнем Востоке

10

Иными словами, система вышла из равновесия, и вернуть ее в стабильное состояние не получалось. Проблемы начались с наступлением 2000х гг. К внешнеполитическим провалам (Афганистан, Ирак, Ливия) добавились внутривосточные, а все это вместе происходило на фоне падающей в кризис мировой экономики. Американскому руководству насущно требовалось найти новый формат для глобального доминирования, изобрести некий эрзац международной системы, который бы позволял им сохранить свои позиции. Решение было найдено в виде механизма институционализации политики *"столкновения цивилизаций"*. Этот рецепт стар как мир – разделяй и властвуй. Между странами и народами находятся острые противоречия, которые искусственно раздуваются, при этом мировой арбитр оказывается в роли «третьего радующегося». Возникает ситуация управляемого хаоса, которая создает иллюзию того, что мир свалится в пропасть без контролирующей роли единого центра. Одним выстрелом убивают нескольких зайцев: создают основу для сохранения американской мировой гегемонии, формируют соответствующий информационный фон, решают проблемы финансово-промышленных групп.

Яркий пример такой политики – современный Ближний Восток. Политическую нестабильность в этом регионе решили направить в «правильное» русло путем «встречного взрыва». Западные стратеги-технократы считали, что, если они сами инициируют взрыв в тех странах, где нарастали конфликтные отношения, то они смогут потушить конфликт, не давая ему выброститься на мировую арену, и смогут контролировать процесс. Убежденность в том, что событиями в любом регионе мира можно управлять из одного офиса в Вашингтоне сыграла здесь роковую роль. Регион взорвался, однако контролировать распространение взрыва западные технократы не смогли. Среди американских специалистов зазвучат голоса об ответственности США за управляемый хаос на Ближнем Востоке и в мире вообще.

Ближний Восток – далеко не единственный пример огромных издержек предлагаемой нам модели международных отношений. Превращение Вашингтона в единственный мировой центр силы принесло с собой не безопасность и стабильность, а хаос и распад общественно-политических структур, что, как показали итоги выборов, созрело и в сознании американского общества. Спроектированные в рамках западнцентричной модели институты глобального управления уже не могут эффективно справляться с поставленными перед ними задачами. В политической сфере это проявилось в форме агрессивной и насильственно насаждаемой экспансии неолиберальной модели, в принципе являющейся внеисторичной и оторванной от характерных особенностей развития каждого конкретного государства, региона или цивилизации.

Все эти явления стали причиной существенного роста конфликтного потенциала в современных международных отношениях. Идеология противоборства социализма и капитализма, модернизированная после развала СССР в идею защиты от «терроризма», «агрессивности» в сфере политики, а в сфере экономики – в систему, основанную на презумпции неизбывной мощности экономики США и их безусловного права «рулить» в глобальном мире, себя исчерпала.

Эти базовые концепции и привели к дестабилизации общей мировой ситуации и как следствие к неустойчивости политических систем. Именно это дало основание Дж. Стиглицу заявить о конце неолиберального концепта.

К какой модели «мирового порядка» следует стремиться?

Россия, защищая свои жизненно важные интересы, была вынуждена бросить вызов той системе международных отношений, которую Запад в лице США уже было «отформатировал» под себя. Теперь понятно, почему нам пришлось столкнуться со столь неоправданно резкой реакцией западных партнеров: крушение конструкций в «мире идей» всегда воспринимается наиболее болезненно. Сейчас уже, хочется надеяться, завершен период эмоциональных реакций, было время для осмысления произошедших процессов. Однажды ступив на дорогу защиты национальных интересов в условиях «турбулентной» мировой обстановки, хочется верить, что Россия уже не сможет ни отступить, ни свернуть с выбранного пути. Мы же с вами, как политологи, должны сейчас сфокусировать наши усилия не только на осмыслении вызовов и угроз, возникших перед нашей страной, но и на конструктивных размышлениях о том, к какой системе международных отношений нам всем хотелось бы стремиться. В этих размышлениях хотелось бы обойтись как без наивных идеологических мечтаний, так и без излишне циничного технократизма. При этом важно избежать как попадания в ловушки «конфликта цивилизаций», к которой нас усиленно подталкивают, так и соблазна снятия с себя ответственности за судьбы других стран и народов. Как показывает горький опыт нашей страны, именно последнее может обернуться наиболее тяжкими последствиями для нас же самих.

По нашему мнению, есть один путь дальнейшего развития событий: глобальная солидарность, отказ от гегемонистских устремлений, солидарное интегральное развитие и отказ от однополярного доминирования.

Только этот вариант дает перспективу мирного преодоления развертывающегося кризиса глобальной политической системы. Мир может быть миром многообразным, состоящим из нескольких центров роста, множественным, многоукладным, транстерриториальным, с высокой

степенью географической локализации стран, не обязательно находящихся в трансграничном соединении. Мы говорим о новом мире, где будет разорван порочный круг перехода политического кризиса в экономический и обратно.

Плоская модель «экономика и политика», вне зависимости от перестановки слагаемых, недостаточна. Нужен ее многомерный вариант, где помимо экономики и политики будет учтен фактор «человеческого в человеке». Только так мы сможем приблизить момент наступления стабильного мирового порядка.

В геополитической перспективе можно предположить, что при неизбежности процессов глобальной интеграции и конвергенции возможно придет понимание невозможности формирования однополярного устойчивого мира. На смену этой модели также неизбежно рождение новой, черты которой уже пробиваются во все еще неопределенной модели неолиберальной глобализации. Этими чертами являются проекты БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС, Новый шелковый путь, Транс-Евразийский Пояс RAZVITIE и др. Все эти примеры представляют из себя мегапроекты, международные проекты, но с принципиально иной базой – не одностороннего доминирования, но солидарного интегрального развития. Возможно именно так и назовут в конечном итоге новую теоретическую модель «глобально-регионального солидарного интегрального развития». Под нее потребуются полная перестройка всей системы международных и внутрисистемных политических и социально-экономических отношений. Очевидно, одними из ключевых элементов этой трансформации будет принятие методологии диалога цивилизаций и отказ от оболванивающей идеи универсализации и стандартизации личности.

Думать о том, как это сделать – наша общая задача как ученых, экспертов и преподавателей в сфере политики.